

Наталья
Нестерова

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»
представляет книги
НАТАЛЬИ НЕСТЕРОВОЙ

А В ОСТАЛЬНОМ, ПРЕКРАСНАЯ МАРКИЗА...
БАБУШКА НА СНОСЯХ
ВОСПИТАНИЕ МАЛЬЧИКОВ
ВЫЗОВ ВРАЧА
ВЫЙТИ ЗАМУЖ
ДАВАЙ ПОЖЕНИМСЯ!
ДВОЕ, НЕ СЧИТАЯ ПРИЗРАКОВ
ДЕВУШКА С ПРИВЕТОМ
ЗА СТЕКЛОМ
ИСПЕКЛИ МЫ КАРАВАЙ
ИЩИТЕ КОТА
КОНКУРС КОМПЛИМЕНТОВ И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ ОТ ПЕРВОГО
ЛИЦА
КОШКИ-МЫШКИ
ЛЮБОВЬ БЕЗ СЛОВ
НЕПОДХОДЯЩИЙ ЖЕНИХ
О ЛЮБВИ
ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ
ОТПУСК ПО УХОДУ
ПОЗВОНИ В МОЮ ДВЕРЬ
ПОЛИНА СЕРГЕЕВНА
ПОРТРЕТ СЕМЬИ
ПРОСТИТЕ МЕНЯ!
ПРО ДЕВУШКУ, КОТОРАЯ БЫЛА БАБУШКОЙ
СДЕЛАЙТЕ ПОГРОМЧЕ!
ТАТЬЯНИН ДОМ
ТОЧКИ НАД «Ё»
ТЫ НЕ СЛЫШИШЬ МЕНЯ
УКУС ЗМЕИ
УРАВНЕНИЕ СО ВСЕМИ ИЗВЕСТНЫМИ
ФАНТАЗЕРКА
ЦЕЛЮЮ РУЧКИ
ШКОЛА ДЛЯ ТОЛСТУШЕК

«ЖРЕБИЙ ПРАВЕДНЫХ ГРЕШНИЦ»

Сибиряки
Стать огнем
Возвращение
Наследники

Наталья
Нестерова

—•—
Кошки-
мышки
—•—

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н56

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Разговор по душам»

Фотография Натальи Нестеровой — Дмитрий Романов

Оформление — Виктория Лебедева

Нестерова, Наталья.
Н56 Кошки-мышки : [роман] / Наталья Нестерова. — Москва :
Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Разговор по душам).

ISBN 978-5-17-109623-6

Кто сказал, что настоящие мужчины на дороге не валяются? Однажды на тропинке, ведущей к дому, Лида в грязной луже подобрала бесчувственного Максима. И вскоре вышла за него замуж. Их семья — загляденье! Оба красивые, умные, а теперь и обеспеченные — ценные специалисты в процветающих компаниях. Любимый сын, собственный дом, счастливый брак...

Чего не хватает женщине, у которой, казалось бы, все есть? А не хватает ей того, о чем не расскажешь ни мужу, ни близкой подруге. Да и самой Лиде представить, как далеко заведет ее новая любовь, непросто.

Верный Максим тоже не лыком шит: вдруг заявляет, что уходит к другой женщине. Кто та, другая? Не пора ли задаться вопросом, почему десять лет назад сдержанный Максим напился до положения риз и валялся в грязи? Из-за несчастной любви? И теперь та любовь вернулась?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109623-6

© Н. Нестерова, 2018
Все права защищены
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Инне Веремеенко, чье изящество и женская
хрупкость таят подлинную мудрость*

Глава первая

Князи — в грязи

На завистливый вопрос подруг: «Откуда берутся такие мужики?» — я честно отвечала:
— Они валяются на улице.

Своего мужа я действительно нашла на тротуаре. Вернее — на грязной тропинке. В прошлом столетии, десять лет назад, холодной осенью девяносто седьмого года.

Возвращалась поздно вечером. Дождь, слякоть, темнота. Узкая дорожка, по одну сторону глухая стена здания, по другую — ограда детского сада. Противное место, зато путь до дома сокращается на пятнадцать минут. Нео-

жиданное препятствие: на земле сидит мужик. Спиной привалился в дому, ноги вытянул. Конечности у пьянчуги (а кто еще, как не в хлам пьяная зараза?) длиннющие, пятками упирается в забор. Не обойти, а перешагивать боязно. Вдруг очнется, сделает мне подсечку, повалит? Сейчас голова у него на грудь упала, похоже, дрыхнет. Но все равно страшно. Развелось алкоголиков! Ни пройти ни проехать.

Оглянулась назад: возвращаться? Ой, как не хочется. Дождь льет, ноги промокли, зонтик забыла, капюшон куртки не спасает. А почему, собственно, всякой пьяни бояться? Они наклюкаются, спят на дороге, а мы должны обходными путями колесить? Дудки!

— Эй, мужик! — пнула я ногой пьянчугу. — Костыли подбери.

Если он проявит агрессию, успею удрать. Человек, не стоящий на ногах, вряд ли бегаёт лучше меня.

Алкоголик пошевелился, но не ответил.

— Дай дорогу, говорю! — стукнула его носком ботинка посильнее.

— Что? — поднял голову.

Темно, лица не разглядеть. Только видно, что без шапки, голова как лысая, мокрыми волосами облеплена. Вскикивать не собирается.

— Позвольте мне, пожалуйста, пройти, — на всякий случай культурно попростила.

— Перешагивайте, считайте, что я мертвый, — почти внятно проговорил он и снова уронил голову.

Жалость во мне вспыхнула как спички в коробке, одна за другой, по нарастающей. Почему я сразу: пьянчуга, алкоголик? (Первая спичка.) А может, человеку плохо? (Вторая спичка.) Сердце, инфаркт, язва, ангина (Вся коробка занялась)... Нет, ангина — из другой области. При ангине лежат в постели, под теплым одеялом, а не валяются на улице под дождем. Мужчина, кажется, не старый, а больной! Точно — сердце. У нас в классе был мальчишка, верста коломенская, чаще по больницам лежал, чем в школу ходил. Говорили — очень быстро растет, сердце не справляется. Этот тоже немалою роста. Вымахал, а сердце отказывает.

— Вам плохо? — присела я на корточки.

— Очень, — не поднимая головы, ответил.

— Сердце?

Он промычал. Можно расценить как согласие.

— Надо «скорую». Но сюда машина не подойдет, до проезжей части почти километр. Что же делать?

— Идите своей дорогой.

— А вы?

— А я буду умирать.

Спиртным от него, конечно, пахло (при пороке сердца водку глушить!). Но еще отчет-

ливо улавливался запах дорогого лосьона. При близком рассмотрении, хоть и в потемках, я отметила: молодой мужчина, лицо безошибочно указывает на то, что это не алкоголик запущенный, а вполне цивилизный представитель сильного пола. Такого сильного, что на ногах не держится.

— Погодите умирать. У нас медицина передовая. А у вас таблеточки есть? В карманчике? Носите с собой? — Я беззастенчиво шарила по его карманам.

Вывалила содержимое на землю. Связка ключей, пачка сигарет, зажигалка, носовой платок, мелкие монеты — никаких тебе пилюлей. Внутренние карманы. Мужчины самое ценное кладут в те карманы, которых мы не имеем, — на внутренней стороне пиджаков. Расстегиваем ему куртку, ищем, обследуем...

— Девушка, вы меня грабите?

— Ой, дядечка! — В волнении я назвала его «дядечкой», хотя лет больному не намного больше, чем мне. — Вы только подождите бредить, ладно? Черт! Да где же ваши таблетки?

Пухлый бумажник, паспорт, еще какие-то бумаги. Ни намек на лекарства. Телефон соловый. Престижная вещь, которую может себе позволить далеко не каждый. Как по нему звонить, чтобы сообщить родным о приступе?

Нажимаем верхнюю кнопку, загорелся экран, мигнули слова «батарейка разряжена», экран погас. И сколько еще не давила я на кнопки, телефон оставался мертвым. Все у бедолаги разрядилось: и телефон, и сердце.

Продолжаю обыск. Лезу глубже, ведь на рубашке тоже есть карманчик. Может, он на груди хранит пилюли.

— Щекотно, — дернулся умирающий.

— Вам точно плохо? — настороженно спросила я, отстранившись.

— Хуже не бывает, — горько заверил он.

Наверное, перед концом, в агонии, всякое происходит. Я не медик! Учусь на третьем курсе экономического факультета университета, понятия не имею, как люди с жизнью прощаются. Если по кино судить, то должны слабеть. По кино судить — глупо, любой ребенок знает.

Затолкала его вещи в собственные карманы. Захватила его лицо ладонями, чтобы на меня смотрел прямо (щеки колкие, утром, наверное, брился):

— У нас два варианта. Слышите? Не теряйте сознания, пожалуйста! Дышите глубже. Или на проспект, — я дернула головой в сторону, откуда пришла, — и там вызываем «скорую» из телефона-автомата. Еще найди исправный, — тихо добавила я. — Или транспортирую вас к себе домой. Путь в два раза

короче, и телефон точно работает. Кто принимает решение?

Больной безмолвствовал и смотрел на меня так, будто пришел его последний час и видит он перед собой Смерть, то есть даму в балахоне и с косой. Капюшон куртки, конечно, свалился мне на лоб, но косы-то у меня не было!

— Похоже, решение принимаю я.

— Мрак, — пробормотал сердечник. — Все, отключаюсь.

И действительно отключился. Глаза его закрылись, голова мгновенно потяжелела. У меня было ощущение, что держу в ладонях многокилограммовый арбуз.

— Стойте! — попросила я. — То есть сидите, но не умирайте. Господи! Люди, на помощь! Придите, кто-нибудь! Помогите!

Как же. Людей смыло дождем, унесло в тепленькие квартирки. А человек погибает у меня на руках. Почему у меня-то? Вечно не везет.

Себя потом пожалею. Он дышит? Еще дышит. Значит, потащили к своему дому, что надежнее.

У меня прабабушка на войне служила санитаркой. В восемнадцать лет фигура у бабушки была под стать моей — хрупкая, и рост ниже среднего.

— Бабуля, — спрашивала я в детстве, — как же ты раненых с поля боя таскала? А если он большой и толстый?

— Всякие бывали, — отвечала бабушка. — Легких мужиков не бывает. Один раз полковника эвакуировала. Он случайно на передовой оказался. Из штаба фронта, захотелось пороху понюхать. Сдурел от страха, когда бомбежка началась, не в ту сторону побежал. Ранило всего-то в ляжку, осколком. Наши ребята при таких ранениях сами ползли, а этот — ойкает и верещит. Делать нечего — поволокла. Больше центнера полковник, пузо — как у бегемота. И хоть бы, сволочь, здоровой ногой отталкивался, помогал. Нет, стонет и почему-то не матерится. А у меня последние жилы рвутся.

— Ты бросила бы его, бабушка!

— Раненого? — удивилась она. — И потом, в смысле, когда я его доставила... нет, еще через некоторое время... оказалось, что в штабе фронта он — голова, на троих помноженная.

— Как это?

— Головастый очень. Стратег.. Или тактик? — с сомнением спросила сама себя бабушка. — В общем, операции мой бегемотик разрабатывал такие, что солдат берегли, а фрицам пороху давали. Не то что те, кто бойцов за дрова держал, а не за людей. Он-то мне, — с гордостью похвалилась бабушка, —

потом два ящика американских продуктов прислал и к ордену представил.

Не знаю! Не представляю, как бабушка волокла своего полковника по кочкам и оврагам. Ордена мне не надо! Но, елки-моталки, как тяжелы мужчины! Я его по ровной дорожке протащила метров сто. Сначала за подмышки подхватив, потом за ворот куртки уцепившись... Согнулась в три погибели, сумка через плечо (как у настоящей санитарки), тяну изо всех сил, а двигаюсь с черепашьей скоростью. Так он у меня помрет, до медсанбата, тьфу ты, до больницы не добравшись.

Передышка. Распахнула его куртку, ухо к груди приложила. Сердце, кажется, бьется. Не понять, потому что мое собственное сердце подкатило к горлу и рвется наружу, барабанит в ушах.

В эту минуту мне отчаянно хотелось оказаться дома, в тепле и сухости. Сбросить с себя мокрую одежду, понежиться в теплой благоухающей ванне. Выбраться из нее, когда подруга Майка, потеряв терпение, заявит ультимативно:

— Кисни сколько хочешь, но четвертый раз блинчики я тебе разогревать не стану!

Мы с Майкой снимаем однокомнатную квартиру. Правильнее сказать: снимает Май-

кин папа, оплачивает. Мы из одного города, но прежде друг друга не знали. Майка училась в школе с английским уклоном, а я — в соседней с домом. Обе поступили в столичные вузы. Непостижимым образом Майкин папа меня вычислил, определенно навел справки о моем моральном облике, удовлетворился и предложил поселиться в однокомнатной квартире вместе с его драгоценной доченькой. Вначале я приняла это в штыки. Мама сказала: «Не торопись, осмотришься, за общежитие ведь тоже надо платить, а с деньгами у нас... сама знаешь». Майка оказалась потрясающей девчонкой. Родители ее баловали, баловали и почему-то не избаловали окончательно. Наверное, здоровую натуру нелегко испортить. Майка — пышечка, очень любит вкусно поесть. Страдает из-за своей фигуры, не попадающей под современные стандарты. Я говорю: «Ты вылитая Мэрилин Монро» — и при этом не сильно кривлю душой. Но о Майке речь впереди. Пока же только замечу, что откармливать меня Майка считает своим святым долгом. Да и готовить ей нравится.

Ау, Майка! Где ты? В трехстах метрах и в недостижимой благодати. А я тут, с живым трупом, чтоб он сдох. Нет, нет! Пусть живет. Еще немного протянуть.

Точно полтонны весит... Тяжесть дикая. У мужчин, наверное, кости из свинца... мышцы из стали... вода в их теле заменена на ртуть... Кто сказал, что человек состоит на восемьдесят процентов из воды? Он не исследовал мужчин. Вдалеке, размыто за струями дождя, показалась фигура. Я вскочила и замаяхала руками:

— Мужчина! Женщина! Кто вы там? На помощь! Сюда! Ко мне! Спасайте!

Фигура, двигаясь неровно, покачиваясь, приблизилась. Оказалось — нетрезвый мужик. Конечно! Кто сейчас на улице остался? Алкоголики, больные алкоголики и я, несчастная.

— Пожалуйста, помогите! — взмолилась я. — Надо его донести до дома.

— Перебрал твой мужик?

Вдаваться в подробности: это-де не мой муж, а человек, нуждающийся в срочной медицинской помощи — мне представилось лишним. Начнутся расспросы, потеряем время, которое для больного на вес золота. Попросить мужика вызвать «скорую»? Уйдет и поминай как звали. Поэтому я кивнула: мол, да, муж надрался — и повторила просьбу.

— Лады, — согласился алкоголик номер два, — мужскую солидарность еще не отменили. А — так, все отменили: революционные праздники, совесть, бесплатную медицину.

Водки, свободы и порнографии — завались, а радости нет.

— Может, понесем? — прервала я.

— Берем. Ты — за ноги, я — за плечи. Раздва, подняли. Поехали.

Сердечника мы оторвали от земли сантиметров на пять. То есть практически волочили по лужам. Кроме того, моего нетрезвого помощника шатало из стороны в сторону. Он ковылял спиной по ходу, с «право-лево» у него было плохо. На мои «вправо» он дергался влево и наоборот. Несколько раз врезался в припаркованные автомобили и в стволы деревьев, падал и чертыхался. Мягко сказано — «чертыхался», вы понимаете. В итоге предложила развернуться: я тащу за ноги «мужа», двигаясь спиной вперед, а добрый алкоголик идет лицом.

Дело пошло быстрее. Промокла я насквозь. Верхнюю одежду промочил дождь, нижнюю — пот. У дверей подъезда, как только я их открыла, набрав код замка, и, подхватив ноги сердечника, собралась втиснуться в проем, добрый алкаш завопил:

— Нельзя ногами вперед! Так только покойников...

— Как? Уже?

— Разворачиваем. Я с головой твоего мужика вперед пойду. Заходи слева, в смысле — справа, крутись.